

«Письмо о китайском торге» Радищева

Среди большого и ценного литературного наследства А. Н. Радищева имеется довольно обширное произведение «Письмо о Китайском торге». Форма письма придана произведению условно. «Письмо о Китайском торге» — серьезный политико-экономический трактат.

Несмотря на огромное значение этого произведения для целостного представления облика первого революционера из среды великоруссов, никто из писавших о Радищеве не проанализировал «Письмо о Китайском торге» так, как оно этого заслуживает.

Нет ни одной работы или статьи в Радищиане, посвященной специально «Письму о Китайском торге».

Большинство авторов, писавших о Радищеве, обошли молчанием, а остальные, как например, В. П. Семенников¹, Я. Л. Барсков², И. К. Луппол³, В. А. Мякотин⁴ ограничились лишь цитированием отдельных мест из «Письма о Китайском торге» при характеристике некоторых моментов биографии, общественно-политических и философских взглядов Радищева.

Такое же отношение было вплоть до появления в свет небольшой статьи П. Г. Любомирова⁵ и к другому произведению Александра Николаевича Радищева «Вот описание моего владения, поместья, вотчины, деревни или назови как хочешь».

Причина недооценки «Письма о Китайском торге» и «Описания моего владения» кроется в том, что эти произведения являются бесспорным источником для освещения экономических взглядов Радищева, а последние до сих пор остались не изученными, если не считать работы В. В. Святловского «История экономических идей в России»⁶, где в главе V отводится несколько страниц А. Н. Радищеву.

¹ Радищев. Очерки и исследования. ГИЗ, 1923.

² Ст. «А. Н. Радищев. Жизнь и личность». Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву», т. II, «Академия». 1935 г.

³ Ст. «Трагедия русского материализма XVIII века» в книге «Историко-философские этюды». ОГИЗ-Соцгиз 1935 г.

⁴ Ст. «На заре русской общественности» в книге «Из истории русского общества». Изд. 2-е. 1900 г.

⁵ Статья в книге «Радищев. Материалы и исследования». Литературный архив. Изд. АН. СССР. 1936 г.

⁶ Изд. т-ва «Начатки знаний». Том I. 1923 г. В своей более ранней работе «Очерки по истории экономических взглядов на Западе и в России». СПб. 1913 г. Святловский упоминает о Радищеве лишь попутно несколькими общими фразами.

Попытка В. В. Святловского вскрыть сущность экономических взглядов А. Н. Радищева не удалась. Из поля зрения Святловского выпали «Письмо о Китайском торге», «Описание моего владения» и основные замечания А. Н. Радищева экономического характера, имеющиеся в его произведениях. В. В. Святловский в книге по истории экономических идей в России, вместо характеристики экономических взглядов, обрисовал и притом в общих чертах общественно-политические воззрения Радищева и значение его «Путешествия из Петербурга в Москву». При этом на протяжении всего нескольких страниц проф. Святловский сумел сделать не мало противоречивых заявлений и такие откровения:

1. А. С. Пушкин ошибался, считая Радищева учеником французских философов-материалистов, в частности Гельвеция.

2. Радищев — предтеча партии Народной Воли.

3. Первые русские общественные деятели—Новиков, Радищев, Пнин являются первым зародышем русской вне- и надклассовой интеллигенции.

Подобные перлы высказываний Святловского о Радищеве в духе народнических и эсеровских псевдо-ученых еще раз подчеркивают, насколько необходимо ускорить разработку всех вопросов, относящихся к пониманию всей совокупности взглядов Радищева.

Важность изучения экономических взглядов Радищева отметил еще В. А. Семенников, но до сих пор в этом направлении сохраняется ничем неоправданное *status quo*.

Всестороннему изучению Радищева долго мешали многогранность его интересов и не изжитая традиция подхода к Радищеву главным образом лишь как творцу «Путешествия из Петербурга в Москву», изучение его в плане биографических данных и замалчивание имени Радищева в царской России. Наличие у Радищева такого цельного экономического произведения, как «Письмо о Китайском торге», агрономо-экономической работы «Описание моего владения» и целый ряд разбросанных отдельных замечаний экономического характера почти во всех произведениях его: «Путешествии», «О ценах за людей убиенных», «Записке о торговле с Китаем», «Записке путешествия в Сибирь», «Дневнике путешествия из Сибири», «Записке о законоположении», «Проекте гражданского уложения» и т. д., свидетельствуют, как велик был интерес у Радищева к экономическим вопросам.

Интерес Радищева к вопросам и явлениям народно-хозяйственного значения вытекал из всего его революционного мировоззрения. Немалую роль сыграли в усилении интереса и помогли Радищеву лучше разбираться в экономических вопросах длительная служба его в Коммерцколлегии, а затем в петербургской таможне, где он к моменту ареста занимал уже должность управляющего.

Не случайно было и участие Радищева в составлении тарифа 1782 года.

Однако, сам факт службы в хозяйственных учреждениях и ее продолжительность не имели бы такой особой ценности, если бы они не были подкреплены свойственной А. Н. Радищеву любознательностью и глубоким, серьезным отношением к делу.

Юрист по специальности, Радищев стремился охватить весь цикл наук о природе и обществе.

«Никто из русских писателей этого времени (XVIII в. — Н. Ф.) не имеет большего права называться «энциклопедистом», чем Радищев. Нет крупного имени в литературе, искусстве, науке, которое было бы ему незнакомо». (Барсков. Материалы к изучению «Путешествия», т. II, стр. 140).

Признание Радищева в «Описании моего владения»: «Я мало читал химических и экономических книг» нисколько не умаляет правды всего сказанного выше, а наоборот показывает, какие большие требования он предъявлял к себе при работе над тем или иным вопросом. Дело в том, как верно отметил П. Г. Любомиров («Литературный архив» 1936 г.), что «Описание моего владения» лишь было неоконченным наброском, подготовительной работой к большому исследованию Радищева из экономики сельского хозяйства XVIII века». Поэтому Радищев считал, что ему нужно для работы над этой темой еще больше прочесть, чем он это успел сделать. При чем указанное признание Радищева в основном относится к книгам химического, а не экономического содержания, что видно хотя бы из реестра книг, проданных сыном Радищева, Николаем Александровичем Радищевым «Комиссии о составлении законов» после смерти его отца. (Сообщение Я. Барскова. Историч. журнал «Дела и дни», 1920 г. кн. 1).

С экономической литературой, в частности относящейся к торговле, Радищев стал знакомиться задолго до написания им «Письма о Китайском торге».

Так в показаниях во время следствия, данных Радищевым Шешковскому, он заявил: «Когда я определен был в Коммерц-коллегию (22 декабря 1777 г. — Н. Ф.), то за долги свой почел (подчеркнуто нами — Н. Ф.) приобрести знания до торговой части и вообще касающиеся и для того сверх обыкновенного упражнения в делах, я читал книги до коммерции касающиеся... и старался приобрести в Российском законоположении до торгу, вообще относящиеся».

В 1790 г. служебная карьера Радищева надолго оборвалась. В этом году вскоре после появления в продаже знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищев был арестован, допрошен, судим и сослан в Сибирь в острог Илимский, находившийся по подсчету того времени в 6783 верстах от Петербурга. Несмотря на всю тяжесть переживаний ссылка в Илимск у смелого, умного, наблюдательного Радищева не убила желания познать действительность России его времени, не охладила привязанности к книгам, не парализовала трезвый, ясный ум и сострадательное сердце, бившееся в груди гуманного и свободолюбивого Александра Николаевича Радищева.

Подневольный путешественник на своем пути из Петербурга в Илимск, начиная с Казани ведет запись всего виденного и слышанного в «Записках путешествия в Сибирь». В этих «Записках», охватывающих период 1790—1791 гг., он ни разу не упоминает о торговле с Китаем, хотя местами и чувствуется среди многочисленных конспективных записей, затрагивающих серьезные явления народ-

но-хозяйственной жизни страны, некоторое нащупывание Радищевым почвы для решения вопроса о Китайском торге.

Если в «Записках» и ни в одном из своих произведений, написанных до 1791 г. Радищев не говорит о торговле с Китаем, то в усиленной переписке, которую он вел в пути к месту ссылки и в течение всего периода пребывания в Сибири со своим другом и покровителем графом А. Р. Воронцовым, слова «Кяхта» и «Китай» пестрят почти в каждом письме Александра Николаевича Радищева.

В письме к А. Р. Воронцову из Тобольска, где Радищев пробыл семь месяцев, он 15 марта 1791 г. пишет: «Время моего здесь пребывания я, по возможности, стараюсь употребить себе в пользу приобретением беспристрастных о здешней стороне сведений. Если я столь счастлив могу назваться, что в глазах вашего сиятельства я почитаюсь зрителем без очков, то я и ныне тщуся все видеть обнаружено, ни в микроскоп, ни в зрительную трубу», а в другом месте этого же письма, А. Н. Радищев, сделав замечание о торговле с Китаем, кончает его следующими словами: «Но мысли мои о сем еще не зрелы, и я их не осмеливаюсь предложить вашему сиятельству».

Это письмо, как и другие, показывает, что А. Р. Воронцов был заинтересован в получении сведений от Радищева о Китайском торге. Многие из биографов, в том числе и В. П. Семенников, посвятивший целую главу вопросу взаимоотношений Радищева и Воронцова, в своих очерках и исследованиях (Радищев. Гиз. 1923 г.) утверждают и не без оснований, что «Письмо о Китайском торге» написано А. Н. Радищевым в 1792 г. по желанию Воронцова, но никто из исследователей не указывает, когда же именно и при каких обстоятельствах Воронцов выразил желание, чтобы Радищев занимался вопросом о китайской торговле. Нет об этом ничего точного и в переписке Воронцова с Радищевым.

Поэтому письмо Радищева из Тобольска от 15 марта 1791 г. приобретает особое значение, так как свое «Письмо о Китайском торге» он написал уже в Илимске, который находился недалеко от Кяхты, — основного пункта торговли России с Китаем — и начинает «Письмо о Китайском торге» Радищев со ссылки на незрелость его мыслей о Китайском торге, высказанных им в письме из Тобольска от 15 марта 1791 г.

Таким образом начальной датой в разработке Радищевым вопроса о Китайском торге следует считать март 1791 г., поскольку до этого времени Александр Николаевич не упоминает о торговле с Китаем — это, во-первых, во-вторых, А. Р. Воронцов мог просить Радищева заняться вопросом о Кяхтинской торговле скорее всего лишь после отправления Радищева из Петербурга в Илимск.

Письмо от 15 марта 1791 г. показательно и тем, что в нем Радищев знакомит нас с его подходом к исследованию экономических явлений.

В этом письме он говорит о себе, как зрителе без очков, т. е. об изучении явлений и фактов без предвзятых мнений и о том, что он «тщится все видеть без микроскопа и зрительной трубы», иначе говоря не уменьшает и не увеличивает то, что он наблюдает; наконец Радищев не спешит с заключением, пока не разберется, не изучит вопрос до конца.

Он не делает ученого вида знатока, если не уверен в точности фактов и выводов, в своей правоте, а наоборот откровенно, не стесняясь заявляет о недостаточности своих знаний в данный момент по конкретному вопросу. Но зато, если Радищев в чем-либо уверен, он не отступает от своих идейных и научных убеждений.

Эти личные качества и особенности Радищева как ученого, который в основу кладет факт, опыт, пример, идя от конкретного к типичному, проливают свет на многое, сказанное Радищевым о Китайском торге. Выдвигая абстрактные положения, делая общие принципиальные предпосылки, он старается подкрепить их данными практики. Прежде чем высказаться по вопросу, выгоден или нет для России торг с Китаем, Радищев долго собирал необходимые сведения.

Ни одному из волновавших Радищева экономических вопросов, кроме крестьянского и положения сельского хозяйства, не уделил он столько внимания, сколько вопросу о Китайском торге.

Предложение А. Р. Воронцова заняться вопросом о торговле с Китаем было только, пожалуй, толчком для Радищева, но не основной причиной, заставившей его приняться за изучение состояния торговли России с Китаем.

Работая в Коммерц-коллегии под начальством президента ее А. Р. Воронцова и находясь в близких отношениях с ним, работая в петербургской таможне, Радищев знал, конечно, какое значение придавалось торговле с Китаем. Поэтому естественно, что Александр Николаевич Радищев сразу же ухватился за возможность вникнуть в сущность торговли России на Востоке. Этим он удовлетворял свою потребность глубже понять нужды народного хозяйства России и одновременно выполнял желание своего заступника и покровителя А. Р. Воронцова, благодаря заботам которого путь Радищева в Сибирь и жизнь в ссылке были несколько облегчены. Сведения и соображения о китайской торговле, которые посылал Радищев из Сибири к Воронцову, должны были, однако, не просто удовлетворять любопытству вельможи, а определять его действия как одного из руководителей русской торговой политики.

Вопрос о торговле России с Китаем был в то время актуальным.

В истории внешней торговли царской России с Дальним Востоком в XVIII веке Китай занимал первое место. В конце царствования Екатерины II делается несколько попыток установить дипломатические и торговые отношения и с Японией, но они оказались неудачными¹.

Первые попытки сближения России с Китаем начинаются еще в середине XVI века при Иване IV Грозном. При нем же завоевывается Сибирское царство. Подчиняются власти России к концу XVI века и остальные земли северных народов Сибири.

Наряду с колонизацией Сибири в течение XVII и XVIII веков ведется политика укрепления торговых взаимоотношений России с Китаем.

В 1689 г. заключается Нерчинский договор, льготный для Китая, так как торговля с Китаем считается чрезвычайно важной для

¹ См. ст. Самойлова «Историч. журнал» 1937 г. № 3-4, стр. 233-235.

сбыта пушных богатств Сибири. «Московский великий государь» с надеждой смотрит на китайский рынок, поскольку поступавший в казну в виде «ясака» пушной товар не поглощался внутренним рынком и продажей его в Турцию, Иран (Персию) и Западную Европу¹.

Петр I, который «много сделал для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса» (Сталин «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом»), предпринимает энергичные меры для организации торговли сибирским товаром с Китаем. Одним из основных вопросов восточной политики при Петре I было установление соседских отношений через Сибирь, как колонию, с Китаем. Но из этого ничего не вышло. Китай относился отрицательно к торговле с Россией. В 1727 г. России удалось заключить Кяхтинский договор (трактат) с Китаем, ратифицированный и размененный в 1728 г. По этому договору китайское правительство открыло для русско-китайской торговли 2 пограничных пункта: один на р. Кяхте, другой на Аргуни около Нерчинска (урочище Цуруханту). В результате Кяхтинского договора русско-китайская торговля оживилась. Наиболее успешно стала она развиваться на р. Кяхте, где и возникло одноименное селение Кяхта. С 1743 г. Кяхта стала торговой слободой. Ныне Кяхта (б. Троицкосавск), город, районный центр в Бурят-Монгольской АССР, в 230 км к югу от Улан-Удэ. (Б. С. Э. 1937 г. XXXV том, стр. 614).

При Петре III казенная торговля с Китаем за невыгодностью отменяется². В связи с этим Кяхта потеряла то значение, которое она имела согласно торговому договору 1727 г., разрешавшему свободную торговлю в Кяхте для России и Китая. А Екатерина II именным указом от 31 июля 1762 г., относясь отрицательно к комиссиям, в числе многочисленных монополий, отменила монополию на право торговли с Китаем. (Полное собр. законов, т. XVI, стр. 31—38, № 11630). Хотя эта мера Екатерины II и дала больше простору торгово-промышленной массе, торговля с Китаем не подвинулась, однако, вперед. «Неприятности и остановки в торговле с Китаем не прекращались и после 1762 г., когда так называемый «Китайский караван» был отдан в вольную торговлю — с 1761 по 1792 гг.: в течение 30 лет торговля с Китаем останавливалась 14 раз. Русское правительство, ради Китайского рынка для Сибири, было в высшей степени осторожно в своих отношениях к китайцам, но согласия с ними не было»³.

Насколько велика была заинтересованность в установлении нормальной торговли с Китаем и как велика была осторожность правительства Екатерины II, чтобы не допустить осложнений в торговле с Китаем, видно из факта, который приводит Фирсов в «Чтениях по истории Сибири», вып. II, 26: «экспедиции проф. Лаксмана, отправленной в 1791 г. на казенный счет в Японию, было запрещено производить изыскания нового пути по р. Амуру, дабы тем не возбудить подозрений в китайском правительстве и в переговорах об открытии взаимного торгога не подать повод к новым затруднениям».

¹ См. Фирсов. «Чтение по истории Сибири». Вып. II. ГИЗ, 1921 г.

² См. В. Пичета, «История Народного Хозяйства России». 1923 г., стр. 24.

³ Фирсов, «Чтение по истории Сибири». Вып. II, 1921 г., стр. 26.

Вопрос о торговле с Китаем на Кяхте интересовал многих современников А. Н. Радищева. Кн. Щербатов в 1788 г. писал, что «Китайский торг стал рушен от несогласия нашего с китайцами». Известные ученые путешественники Лепехин и Паллас, о которых Радищев упоминает в одном месте своего «Письма о Китайском торге», оставили ряд интересных свидетельств и сведений, относящихся к торговле на Кяхте.

М. Чулков в своем многотомном сочинении «Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах с древнейших времен до настоящего времени», Университетская типография, 1785 г., в книге 1 и 2 третьего тома подробно останавливается на Иркутске, Кяхте, торговле с Китаем, Монголией через Кяхту, приводит документы по торговле России с Китаем. Александр Николаевич Радищев несомненно знал эту работу Чулкова.

Знаком был Радищев с произведением Лепехина и с «Путешествием по разным провинциям Российского государства» Палласа, который в третьей части, изданной Академией Наук в 1788 г., обстоятельно описывает на протяжении 47 страниц состояние китайского торгога на Кяхте в 1770—1772 гг.

Однако, особой необходимости в детальном сопоставлении отдельных фактов и перечня продаваемых товаров на Кяхте и т. д., приведенных Лепехиным, Палласом и Чулковым, с тем, что говорит о торговле с Китаем Радищев — нет.

Такое сопоставление займет много места и не даст ничего особенно ценного, так как Радищев касается более позднего периода в торговле России с Китаем, чем Лепехин, Паллас и Чулков, и развивает свою точку зрения самостоятельно. Много различных мнений и соображений было высказано в царствование Екатерины II о торговле с Китаем. Поэтому обращение президента Коммерц-коллегии А. Р. Воронцова к Радищеву с просьбой дать заключение о китайском торге показывает, насколько велик был авторитет Радищева в вопросах экономического порядка. Прав В. П. Семенников, отметив, что «в своих служебных делах Воронцов иногда пользовался пером автора «Путешествия»¹.

Заминки, прекращение торговли с Китаем служили предметом специального обсуждения в Комиссии о коммерции.

Последняя в 1788 г. одну из главных причин, создавших неблагоприятный торговый баланс и низкий вексельный курс, видела в прекращении торговли с Китаем. На это же указывали в своих мнениях о причинах низкого вексельного курса и русские купцы, подчеркивая необходимость возобновления торговли с Китаем.

Откликаясь как бы на все основное, высказанное правительством и обществом о внешней торговле с Китаем, Радищев в «Письме о Китайском торге» не ограничивается, например, подобно Палласу, простым описанием состояния торговли на Кяхте, а затрагивает сумму вопросов, связываемых с китайской торговлей. Ход доказательств и рассуждений Радищева в «Письме о Китайском торге» и «Записке о китайской торговле», написанной в 1795 г., в которой конспективно резю-

¹ Радищев. Очерки и исследования. ГИЗ, 1923 г. стр. 130.

мируется все сказанное в «Письме», очень прост и строен. Он идет по двум параллельным и взаимно связанным направлениям: 1) выгоды для русского народного хозяйства от торговли с Китаем, 2) невыгодность торговли с Китаем.

После подробного разбора значения Кяхты для торговли России, Радищев в «Письме о Китайском торге» приходит к выводу, который мы сформулируем его же словами: «Пресечение оного (Кяхтинского торга) не есть столь великий вред, как то обыкновенно представляется.. и если я говорю, что не так велик вред от пресечения торга на Кяхте, как кажется, то не утверждаю, что его возобновление было вредно... Какое действие открытие торга на Кяхте будет иметь,—не знаю. Китайский торг не к пользе России надлежит относить, но к пользе Сибири, или же некоторой ее части, почти только лежащей по сю сторону Енисея».

Некоторая неопределенность вывода вытекала в известной мере из того, как мы уже отмечали раньше, что Радищев не делал окончательных заключений до тех пор, пока не изучит вопроса до конца. Радищев сомневается в точности части сведений, которыми он располагал. На это он указывает сам в «Письме о Китайском торге»: «Передо мною лежит теперь ведомость без году отпущенных в Китай товаров. В. С. (речь идет о А. Р. Воронцове.— Н. Ф.), довольно знаете, коликую степень вероятности все таможенные ведомости иметь могут, но за неимением лучших исчислений, они бывают основанием». Радищев придавал большое значение статистическим данным. В «Записке о законоположении»¹, написанной почти на десять лет позже «Письма о Китайском торге», Радищев снова, но более уже обстоятельно, говорит о необходимости точных статистических сведений при решении государственных вопросов.

Ключом к пониманию причины кажущейся неопределенности мнения Радищева о китайской торговле служит также следующее принципиальное заявление Радищева, сделанное им почти в начале «Письма о Китайском торге»: «В Европе говорят, что все преграды в торговле вредны, ибо сама себя содержит всегда в неизбежном равновесии. Если бы захотели следовать новейшему мнению относительно внешней торговли, то возобновление торга с Китаем выходило бы из оного естественным следствием. Но как оно в России в строительстве государственным не приемлемо (подчеркнуто нами— Н. Ф.) и принято быть не может, то следуя противному мнению, посмотрим чего Сибирь и Россия пресечением торга с китайцами лишается». Словам Радищева «и принято быть не может» не следует придавать значения, так как Радищев в «Письме о Китайском торге» почти во всех своих рассуждениях выступает сторонником свободной торговли. Эти слова, повидимому, явились результатом знакомства Радищева с последствиями указа 1788 г., с которого началось, как это указано Кулишером в «Очерках истории русской торговли», 1923, 303, изменение таможенной политики, когда общим правилом становится система запреща-

¹ Текст «Записки о законоположении» впервые был опубликован А. З. Попельничким в журн. «Голос Минувшего» 1916 г. № 12, стр. 74—96.

ния привоза иностранных товаров. Только поверхностное знакомство с «Письмом о Китайском торге», недоучет всех замечаний и рассуждений экономического характера Радищева может привести к выводу, что он выступал против свободной торговли.

Ярким образцом подобного анализа «Письма о Китайском торге», подкрепленного к тому же еще социологизированием истории, является соображение М. Покровского. Взяв одно место из текста «Письма о Китайском торге», М. Покровский в «Русской истории в самом сжатом очерке», изд. 2-ое, 1922, 120, пишет, что Радищев в «Письме о Китайском торге» «высказывает новую для того времени мысль о необходимости «покровительственной системы», осуществившейся в России через тридцать лет после этого письма. Республиканец Радищев был, таким образом, в то же время одним из первых провозвестников идей промышленного капитализма». Приведенное определение М. Покровского не верно. Никакой особой новизны для того времени нет в словах Радищева в «Письме о Китайском торге», что «запрещение иностранных мануфактурных произведений неминуемо родит мануфактуры дома, а без того внутренние рукоделия могут прийти в запустения». Ссылка М. Покровского на одни только эти слова Радищева, для характеристики последнего неоправдана. Сущность приведенных слов Радищева не в мнимой новизне, а в том, что он понимает желание русского купечества избавиться от иностранной конкуренции. Ведь точно такую же мысль по смыслу, как Радищев, но иными словами высказал и купец Самойлов¹, указав, что лишь путем «распространения отечественных фабрик и мануфактур» можно избавиться от иностранной конкуренции. При этом нельзя забывать, что как Самойлов, так и Радищев сделали эти свои заявления в связи с разбором вопроса о вексельном курсе России. Совпадение замечания Радищева в данном пункте с желанием купца Самойлова не означает еще, что Радищев сочувствует всем чаяниям купечества.

Радищев думает о развитии отечественной промышленности, но исходит не столько из интересов купечества, сколько крестьянства. Вступаясь за крестьян, А. Н. Радищев готов отдать даже предпочтение деревенским кустарным промыслам перед большими мануфактурами, поскольку «обыкновенные мануфактуры» поясняет он в «Письме о Китайском торге»: «не исключая английских и французских, полезны тем, что дают пропитание многому числу бедных граждан, и за каждым 200, 300 или 1000 человек получающих хлеб насущный, обогащают одного или двух граждан, как рукоделие, не обогащая ни одного многим частным и большей частью сельским жителям доставляет большое питание».

Радищев в «Письме» с ненавистью говорит и о роли скупщика-купца, живущего за счет труда крестьянина. «Один из 100 или из 200 крестьян — пишет Радищев, — живет не в дом, другие все наемники и работают на давших им задатки. Всю свою добычу запродадут заранее, а корыстолюбивые и немилосердные торговцы пользуются трудами ими и обогащаются». Радищев не может примириться с тяжелым

¹ См. статью Н. Фирсова «Вопрос о причинах падения вексельного курса России и средствах к его возвышению в царствование Екатерины II».

положением крестьянина и поэтому выступает не только против помещика, но и купца, когда последний становится угнетателем крестьянина. Требования земледелия и крестьянского рукоделия Радищев кладет во главу угла в вопросе о китайской торговле. В одном из писем к гр. А. Р. Воронцову Радищев прямо заявляет, что «из-за торговли забывают земледелие, которое было бы полезно, тем более что эта торговля (китайская), хищная и убивает в сердцах людей всякий зародыш жалости».

В «Письме о Китайском торге» в своих доводах как за, так и против возобновления торговли России с Китаем Радищев главным образом ищет выгод для крестьянина и зверолова от торговли с Китаем.

Он констатирует, что возобновление торговли с Китаем выгодно поскольку: 1) цены на мягкую рухлядь, т. е. пушнину, будут постепенно повышаться, а это благоприятно отзовется на положении селян-промышленников, которые занимаются «промыслом звериным».

2) Сельские жители получают дополнительный заработок от проезжающих купцов в виде платы за пищу, сено, овес и пр. Кроме того, увеличится доход крестьян от извоза, что особенно полезно для тех из них, кто занимается извозом, так как сумма дохода от последнего велика.

3) Возобновится ввоз шелка-сырца, а от этого «распространится российское шелковое рукоделие, столь выгодное, ибо соединяется с земледелием».

С другой же стороны Радищев подчеркивает, что прекращение торговли с Китаем привело к увеличению земледелия в связи с посевом льна в Иркутской и Тобольской губерниях. В результате чего «явилось размножение холста», который в окрестностях г. Томска начал продаваться как товар, положив этим начало новой отрасли торговли. От прекращения торговли с Китаем, указывает Радищев, Россия не только не проиграла, но и выиграла, так как обыкновенные звериные промыслы не уменьшились, а пушнина нашла себе сбыт не только внутри страны, но и за границей.

Остановливаясь на звериных промыслах, Радищев, оставаясь верен себе, сожалеет звероловов, у которых «пропитание ненадежно». Александру Николаевичу Радищеву не нравится, что «звериные промыслы» отвлекают население от земледелия. «Если бы я не знал,—пишет Радищев в «Письме»,—сколь мало можно получить в распоряжение казенные деньги, и сколько частое из оных делают злоупотребление, то я бы подал совет давать премии всем желающим оставлять жизнь лесную и звероловную, и селясь на местах плодоносных, упражняться в земледелии».

Не видит вреда от прекращения торговли с Китаем Радищев и для скотоводства, но в «Записке о Китайской торговле» А. Н. Радищев уточняет свое положение, говоря: «скотоводство не потеряло по той причине, что пределы размножения оно у кочевых народов не от торгова зависят, но от изобильных или тощих пажитей». Мнение это Радищева, исходя из существовавших в то время в Сибири способов ведения скотоводческого хозяйства, было правильно.

Взвешивая пользу и вред от возобновления торговли на Кяхте с точки зрения развития земледелия, крестьянских рукоделий, улуч-

шения условий жизни крестьян, Радищев воздержался от окончательного заключения: выгоден или нет китайский торг. Для нас эта осторожность Радищева, не имеющего всех данных для решения конкретного вопроса, следует ли возобновлять китайский торг, нисколько не умаляет ценность «Письма о Китайском торге», а наоборот еще более делает значимым как само «Письмо», так и его автора.

Нет сомнений, что если бы Радищеву пришлось решать вопрос о китайском торге не в условиях ссылки, если бы он мог побывать лично на Кяхте, то А. Н. Радищев сказал бы свое веское и окончательное мнение. Радищев несколько раз упоминает в «Письме» о необходимости побывать на Кяхте, чтобы иметь возможность потом прийти к твердому мнению о китайском торге.

Сравнивая «Письмо о Китайском торге» со всем, что говорилось в различных комиссиях о китайской торговле при Екатерине II, сразу бросается в глаза разница принципиальных положений в решении вопроса.

Если для Палласа, Лепехина, Чулкова и т. д., для различных комиссий вопрос сводился к требованиям коммерции, то для автора «Путешествия» основное было в пользу китайской торговли для крестьянства. Вот в этом-то и заключается ценность «Письма» и новизна подхода в то время к решению вопроса о китайской торговле.

Не сказав своего последнего слова, Радищев, однако, судя по всему ходу его рассуждений в «Письме», склоняется к мысли о полезности возобновления торговли с Китаем.

Рассматривая вопрос о китайском торге также из потребностей нужд всего населения Сибири и России в целом, Радищев особенно выделяет из всех товаров значение чая в торговле с Китаем. Радищев только одного привоза чая из Китая А. Н. Радищев считает нужным возобновить торговлю с Китаем. Выдвигая из всех товаров на первое место чай, Радищев, со свойственной ему прозорливостью, подметил основную линию торговли России с Китаем, которая еще лишь вырисовывалась в XVIII веке, поскольку в торговом балансе пушнина занимала почти столько же места, сколько чай. Только в следующем столетии стали тесно связывать торговлю на Кяхте с чаем, посвящая этому вопросу специальные работы, вроде хотя бы книги Н. Крита «Материалы для обсуждения вопросов о чайной торговле», и многочисленные исследования других авторов, создавших большую литературу о торговле чаем на Кяхте.

Радищев стоит за возобновление торговли с Китаем и потому, что по его мнению, высказанному в «Письме» и через три года в «Записке о Китайском торге», «прерывка торга на Кяхте на понижение курса действия не имела, ибо сей торг есть отъемный, меновой и дебет и кредит его не входит в сумму торговых России оборотов с европейскими государствами». Прочитированные слова из «Записки» диаметрально противоположны тому, что доказывалось в Комиссии о коммерции в 1788 г. и поддерживалось многими современниками Радищева, видными государственными деятелями царствования Екатерины II.

Выступая против распространенного в то время взгляда, согласно которому причину низкого вексельного курса видели в прекра-

щении торговли с Китаем, Радищев в «Письме» дает свое объяснение причине появления низкого вексельного курса в России.

Вопрос о низком вексельном курсе в XVIII веке имел собственную историю. Для разрешения этого вопроса Екатерина II создала специальные комиссии «О причинах и способах поднятия вексельного курса».

Результаты работ этих комиссий достаточно обстоятельно освещены Н. Н. Фирсовым в статье—«Вопрос о причинах падения вексельного курса России и о средствах к его возвышению в царствование Екатерины II», помещенной в книге «Исторические характеристики и эскизы» т. I. Казань, 1922, 188—241.

Радищев отрицает в «Записке», как мы уже знаем, влияние китайского торгова на низкий вексельный курс, исходя из положения, что китайский торгова меновой и он не влияет на торговый оборот России с европейскими государствами. Характеристика Радищевым китайского торгова, как меновой торговли, правильна. Это подтверждает и Паллас, наблюдавший в 1770—1772 гг. торговлю на Кяхте, записывая в своем «Путешествии», 1788 г., III, стр. 182 «Торгов с Китаем производится меною товара на товар».

Меновой торговля на Кяхте была и в XIX веке. Об этом говорит К. Маркс, прекрасно знавший все особенности мировой торговли. Ссылаясь в своей работе «К критике политической экономии» (Парт-изд. 1935 г. стр. 81) на Кяхту, как на пример меновой торговли, Маркс пишет:

«Серебро служит мерою цен в товарном обмене между Сибирью и Китаем, хотя эта торговля на деле является простой меновой торговлей». Дальше на стр. 145 К. Маркс еще раз подтверждает это: «Пограничная торговля у Кяхты представляет собою фактически и согласно договору меновую торговлю, в которой серебро — лишь мера стоимости. Война 1857—1858 гг. заставила китайцев продавать, не покупая. Считаясь с буквальным текстом договора, русские перерабатывали французские пятифранковые монеты в грубые серебряные товары, которые служили средством обмена».

Исключив с достаточным на это основанием Кяхтинскую меновую торговлю из числа причин низкого вексельного курса, Радищев причину последнего объясняет обесценением русских бумажных денег. Так, говоря в «Письме» о привозе чая из Китая, он задает себе вопрос: «Для чего же ныне за рубль дают 27—28 стиверов». И сам отвечает: «Для того, что торгуют не на серебряный рубль, но на бумажки. Приложи же к бумажному рублю промен на серебряные деньги, то курс будет равный (au pair)». Дальше здесь же Радищев выдвигает и другой момент в объяснение причины низкого вексельного курса: «Торгов на Кяхте тогда бы мог великое иметь на курс действие, если бы, заменив многие статьи европейских товаров, тем бы не уменьшился и вывоз некоторых наших товаров. Но, вероятно, что, например, уничтожив вывоз тех русских товаров, которым платили за сей товар, ибо бояться не надлежит, чтобы умножение привоза иностранных товаров было России во вред тем, что вывозить будут серебро. Серебра из нее не вывезут, ибо мало она его родит, и оно

дорого, ибо, напрасно и так себя ласкать, что всегдашний баланс в пользу России будет платить серебром; в России множество недостаёт мануфактур, роскошь питающих, нет ни сахару, ни кофе, ни вина и не умеют еще варить хорошего пива и долго еще будут нам платить сими товарами за наши произведения».

Мнение Радищева, что обесценение бумажных денег есть причина низкого вексельного курса вполне правильно и совпадает с мнением Комиссии о коммерции. К такому же выводу после специального изучения вопроса о причинах низкого вексельного курса в царствование Екатерины II пришел и Фирсов («Исторические характеристики и эскизы». т. I. 1922), говоря: «следует признать, что с 1788 г. по 1793 г. включительно падению стоимости русского ассигнационного рубля принадлежит преобладающее значение на вексельный курс России». Показательно, что Фирсов в своем исследовании причин низкого вексельного курса не заинтересовался «Письмом о Китайском торге» Радищева. В нем бы он нашел и второе верное соображение, высказанное Радищевым, что причину низкого вексельного курса нельзя было связывать с торговым балансом и Кяхтинской торговлей в то время без анализа того, что в России «много не хватало товаров, роскошь питающих», мало было серебра и приходилось много привозить товаров в Россию из-за границы. Поэтому нечего было членам Комиссии о коммерции и иным комиссиям в царствование Екатерины II «себя ласкать, что всегдашний баланс в пользу России будет платить серебром».

Выход из положения Радищев видел не в бесцельных разговорах о торговом балансе, а в развитии отечественной промышленности, в разработке полезно-ископаемых. Недаром в «Записках путешествия в Сибирь» и «Дневнике путешествия из Сибири» Радищев усиленно регистрирует все виды полезных ископаемых, попадавшиеся ему в пути. Выход он видит в борьбе с быстро падающим русским бумажным рублем. Александр Николаевич Радищев не только констатировал факт обесценения русского бумажного рубля, но и вскрыл в «Письме о Китайском торге», почему это произошло. «Ныне при возобновлении торгова,— пишет Радищев,— можно сказать с уверенением, что прежняя цена чая, на Кяхте вымениваемого, восстановиться не может, потому что числительная сумма денег в России умножилась по крайней мере на $\frac{1}{3}$ всей массы, и если вздорожали от этого имения недвижимые, то, несомненно, должно вздорожать и все другое. Какое же действие размножение одновременно денег имело на торг, мы видим из состояния курса из издержек последней войны (шведской — Н. Ф.) в сравнении с прежними».

Итак, чрезмерный выпуск бумажных денег в связи с многочисленными войнами—причина падения бумажного рубля. Верно ли это мнение Радищева? Безусловно.

Радищев осуждает финансовую политику Екатерины II, когда печатный станок работал чересчур исправно. Радищев относился к войне как общественному явлению отрицательно, по соображениям экономического и гуманного характера, а это заставляло его внимательно следить за последствиями современных ему войн. Отсюда вполне закономерно, что в «Письме о Китайском торге» мы находим

такое правильное указание: «Эпоха уменьшения серебряных денег есть начало войны со шведами. Неужели, — спрашивает он себя, — каждый год война стоила 40 миллионов. Может быть, ибо умножением денег цена на все умножилась».

Ценность этого указания и мысли высказанной Радищевым в конце этой цитаты, что турецкая (вторая—1787—1791 гг.) и одновременно с ней шведская война (именем последней Радищев объединяет обе войны) стоили больше, чем предыдущие войны, велика, во-первых, тем, что они полностью соответствуют действительности. Чтобы убедиться в этом, стоит только сравнить указания Радищева с таблицей доходов и расходов с 1765 г. по 1794 г., составленной И. С. Блюих в его книге «Финапсы России», т. I, стр. 51—62. Во-вторых, эти замечания Радищева показывают, что ему удалось подметить наличие высокого лажа, который появился к концу Шведской войны (1788—1790 гг.).

Подметить появление лажа Радищеву помогло, по всей вероятности, то обстоятельство, что до этого времени лаж был настолько незначителен, что колебания его не имели особого значения.

Начиная же с 1790 г. лаж повышается, находясь в течение 1790—1794 гг. в строгом параллелизме с движением количества ассигнаций¹.

Хотя Радищев и не употребляет в «Письме» слово «лаж», но он несомненно заметил его появление, отнеся к периоду шведской войны уменьшение серебряных денег и рост бумажных, а также обратив внимание на разницу в ценности серебра и бумажных денег. Само же слово «лаж» несомненно было знакомо Радищеву; в 1793 г. о лаже уже говорится официально, а вяземский купец Девкин упоминает о нем, как причине низкого вексельного курса.

Мысль о вредном влиянии на народное хозяйство России чрезмерного выпуска бумажных денег сильно волновала Радищева. Для этого у Радищева были все основания, так как в царствование Екатерины II сильно возросли прямые и косвенные налоги. Долг внешний и внутренний в связи с войнами возрос к концу царствования Екатерины II до 126 миллионов, а государство в это время получало доход средним числом 65 миллионов².

Почти через десять лет в «Записке о законоположении» Радищев снова возвращается к вопросу о вреде большого выпуска бумажных денег.

Он предостерегает в «Записке» правительство Александра I от вредных экспериментов в области финансовой политики, имевших место при Екатерине II.

Радищев хорошо знал не только из литературы, например, из журнала «Das graue Ungeheuer» («Седое чудовище»), издаваемого немецким журналистом Векерлином, о судьбе которого он говорит в «Путешествии» (глава—Торжок), но и лично характер финансовой политики при Екатерине II. Возможно, конечно, что читая в журнале Векерлина (1732—1792 гг.) «Седое чудовище» его заметки за 1787 г. о России, в которых Векерлин писал о русско-турецкой войне

¹ См. Туган-Барановский. «Бумажные деньги и металл». Петроград, 1917 г., стр. 94-96.

² Ключевский. Курс Русской истории. ГИЗ 1937 г., ч. V, стр. 169-170.

(1787), что это лишь финансовая спекуляция, «рвотное средство», «одним словом, — у двора нет никакой определенной и прочной финансовой системы» (Барсков. Материал к изучению «Путешествия», т. II, стр. 463), Радищев стал более внимательно следить за состоянием русских финансов и причин понижения стоимости бумажных денег.

В «Записке о законоположении» Радищев уже грозит возможным государственным банкротством, заявляя: «прилив денег бумажных есть зло; поток плотины разорвавшейся покрывает все торговые обращения — земледелие и рукоделие будут томиться и число монеты бумажной возрастет до того, что цена ее будет меньше, нежели лист бумаги на нее употребляемой, тогда, — подчеркивает Радищев, — настанет час гибели — час государственного банкротства». Для того же, чтобы этого не случилось, правительство Александра I должно упорядочить денежное обращение, которое состоит, — по правильному замечанию Радищева, — «в ближайшем и теснейшем союзе с народным благосостоянием». Радищев предлагает в дальнейшем выпуск денег поставить в строгое соответствие с народным капиталом. Для «суждения же о сем, по возможности, нужно кажется иметь ведомости», в которых должны быть, по мнению Радищева, все данные о народном капитале и состоянии финансов в то время. Анализ «Записки о законоположении» показывает, что Радищев и в ней, как и в «Письме о Китайском торге», к решению вопросов экономической политики подходит конкретно, стремясь опереться на цифры и факты.

В «Письме о Китайском торге» Радищев останавливается и на причинах, мешающих росту внутренней торговли. Одним из основных недочетов внутренней торговли России XVIII века было плохое состояние путей сообщения как сухопутных, так и водных. Начиная с Петра I предпринимаются меры к упорядочению путей сообщения, но все делается так безобразно медленно, что еще в 1-й половине XIX века сухопутные дороги, не исключая даже наиболее значительных трактов, находились в ужасном положении («Барсков. Матер. к изуч. «Путешествия» т. II, стр. 351). На плохое состояние дорог Радищев указывает начиная с «Путешествия» вплоть до «Письма о Китайском торге». Об этом Радищев говорит и в «Записках путешествия в Сибирь», «Дневнике путешествия из Сибири» и в письмах к А. Р. Воронцову. В письме к Воронцову из Тобольска от 29 мая 1791 г. Радищев делает такое характерное замечание: «сказывают, что крестьяне здешние недовольны будут, если родится много хлеба: уплата податей будет для них затруднительна. Чрезмерное пространство, на коем население рассеяно, и недостаток сообщения водного с Россией, делают сие вероятным». Понимая хорошо насколько важны хорошие пути сообщения для внутренней торговли, Радищев старается собрать все сведения, касающиеся этой отрасли народного хозяйства. Так, в письме к Воронцову от 30 мая 1791 г. он пишет: «Ничего я не видывал простее, как суда, в которых возят в Тобольске хлеб. Представьте себе четверугольную лачужку, в которую лазят в служебное окно: вот истинная форма здешних хлебных барок. Во многих отношениях здесь люди целым столетием отстали от великороссиян. Большие суда, употребляемые на сибирских водах, точно такого же построения, как волжские, но не столь хорошей от-

делки». Интересуясь состоянием внутренней торговли, Радищев в «Записке», «Дневнике» и в письмах к Воронцову отмечает дни, в какие бывают базары в той или иной местности, и те товары, которые ему удалось заметить в продаже, их цены, а также стремится установить линии перемещения некоторых видов товаров. Привлекают его внимание и ярмарки, как Ирбитская, Макарьевская и др., значение которых, как центров торговли, он ставит высоко.

Тот факт, что в «Письме о Китайском торге» и ряде других своих произведений Радищев земледелию отводит первое место, отрицательно относится к войне, а также наличие иных не рассмотренных нами здесь высказываний Радищева в «Письме» и других произведениях, дают основание заявить, что А. Н. Радищев был один из первых физиократов в России¹.

Любовь к крестьянину, желание видеть его свободным, а Россию богатой и передовой страной, горячим патриотом которой он был, водили пером Александра Николаевича Радищева, когда он писал свое «Письмо о Китайском торге».

Имя Радищева вызывает чувство национальной гордости. Великорусский пролетариат может гордиться, что среда великоруссов выдвинула Радищева. (Ленин. Статья «О национальной гордости великоруссов»).

¹ Вопрос о близости Радищева к физиократам подробно рассматривается автором в подготовляемой к печати работе «Экономические взгляды А. Н. Радищева».